

ВНУНЬШНЕЙ политической суете памятную кольцовскую дату вряд ли заметят: не до классики нам, умникам, сбрасывающим с «парохода современности» и не таких художественных гигантов, как скромный автор «Песни пахаря». Напрасно: опыт замечательного русского лирика врывается в наш сумбурный день и дает поучительные уроки. О некоторых из них стоит поразмышлять.

В 1846 году Белинский издал сборник стихотворений Алексея Кольцова и приложил к ним свою статью, определившую на многие десятилетия глубинное понимание творчества самобытного народного художника. Против основных положений статьи «неистового Висса-

риона» выступил тогда литературный критик Валериан Майков, написавший объемный трактат «Стихотворения Кольцова». Близкий к кружку Петрашевского, молодой мыслитель-космополит старался доказать, что автор «Косаря» тем и прекрасен, что выражает «меньшинство» народа, — чем менее он национален в своих «песнях», тем более общечеловечен. Майков превозносил черты некоего «чистого человеческого тела», звал к «развитию личности» на французский социальный манер, утверждая: «...Всякий национальный оттенок — крайность, излишний перевес того или другого свойства».

О НАРОДНОСТИ И «АБСТРАКТНЫХ ЧЕЛОВЕКАХ»

Виссарион Белинский, в свою очередь, в обзорной статье о русской литературе 1846 года высмеял защитников алгебраического «прекрасного человека»: «Без национальностей, — писал он, — человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения» — и делал вывод (прислушайтесь, пожалуйста, вчерашние «интернационалисты» и нынешние «демократы»): «Когда народ поддается напору чуждых ему идей и обычаев... — тогда он гибнет политически».

В письме к К. Д. Кавелину от 22 ноября 1847 года Виссарион Григорьевич выразился еще откровеннее: «Терпеть не могу восторженных патриотов, выезжающих вечно на междометиях или на квасу да каше... но, признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные человеки, беспланирные бродяги в человечестве».

Чем не урок «бродягам» нынешним? На кризисных сломах истории поэзия Кольцова всегда была великолепным эстетическим материалом для споров о путях социально-общественного развития России (статьи Салтыкова-Щедрина, Чернышевского, Добролюбова, Михайловского, вульгарных критиков 20 — 30-х годов).

Как и всякий большой художник, Кольцов велик не только своей чудесной художественной одаренностью, а чувством сострадания к ближнему, талантом

болеть его болью и радоваться его радостью. Нынешним стихописцам, убегающим от бурь времени в свою панельную обитель и смакующим плотские видения, не худо бы призадуматься над такими, например, словами Кольцова: «...Вся причина, — объясняет он свое творческое молчание Белинскому 28 сентября 1839 года, — это суша, это безвременье нашего края, настоящий и будущий голод. Все это как-то ужасно имело нынешнее лето на меня большое влияние или потому, что мой быт и выгоды тесно связаны с внешней природою всего народа. Куда ни глянешь — везде унылые лица: <...> и душа не в состоянии ничего ни мыслить, ни думать».

Как дорог сегодня нам этот чуткий резонанс души поэта, откликающейся на общую беду. И как пошлы ныне ору-

жие и пляшущие хриплые телодвиженцы, не замечающие все нарастающей трагедии народа.

Теперь, когда вечные духовные ценности подвергаются искусственной коррозии, обращение к слову Кольцова очень живительно. Помните? — «Весело на пашне. Ну, тащися, сивка!», «Весело гляжу я на гумно, на скирды...» — это из хрестоматийной «Песни пахаря». Слова и «орудия производства» подустарели, а чувство молодое и отрадное: хорошо потрудились крестьянин, и душа запела. Или: «Красным полымем заря вспыхнула; по лицу земли туман стелется...» — это из прекрасного «Урожая», — и сколько у него таких вдохновенно пропетых строк, от прочтения которых лучились лица не только земледельцев, но и блестящих аристократов — таких, как князь Владимир Одоевский, увидевший в воронежском прасоле «гения в высшей степени».

Если не вдаваться в академические жанровые дискуссии, Кольцова можно назвать на современный лад бардом (песенником) своей эпохи. Где, скажите, они, нынешние воспеватели земли и ее радостей, где они, опоясанные гитарами и электропроводами и поющие жизнь как деяние и творчество? Вчера они фрондировали с политкуклами, сегодня бросились в «пляску Витта» с известного сорта куколками — и все пусто, одноименно, имитаторски, так как в их душах нет зова настоящей любви и красоты, а есть лишь поэзия... — впрочем, и так понятно.

Заметьте, господа скептики: Кольцов жил при крепостном праве, видел вокруг много грустного, но ни разу об этом прямо не обмолвился ни в стихах, ни в письмах, хотя водил дружбу с либералом Н. Станкевичем, анархистом М. Бакуниним, демократом В. Белинским. Объяснение, на наш взгляд, простое: он был художником, а не куплетистом, творцом, а не иллюстратором. Его «Иль у сокола крылья связаны, иль пути ему все заказаны?» воспринималось современниками и потомками как клич воли (не эгоистической «свободы», а по-на-

К 150-летию со дня смерти Алексея КОЛЬЦОВА

родному понимаемой «воли»). Его строки «Так и рвется душа из груди молодой! Хочет воли она, просит жизни другой!» звали к духовному просветлению, а не к примитивной «борьбе». Да, разумеется, в его патриархальности была определенная ограниченность (а в нашем сознании мало ли сегодня узости?), но в ней содержался тот здоровый консерватизм, за который так любят упрекать даже Пушкина.

Социальные скородумы всех времен конструировали «нового человека», сражались «против мачехи-природы» (М. Горький) и видели «счастье в борьбе». Крестьянская художественная философия Кольцова оказалась мудрее многих теоретических глубокомыслий. Достаточно хотя бы вспомнить его знаменитый «Лес» («...Памяти Пушкина»), чтобы убедиться в органической слиянности человека в горе и радости со стихией природного начала жизни.

Более 150 лет назад он писал: *Но тот счастлив и тот почтен, Кого природа одарила Душой, и чувством, и умом, Кого фортуна наградила Любовью — истинным добром.* Не случайно среди любимых поэтов молодого Льва Толстого был Кольцов, о стихах которого он восторженно писал: «Прелесть и сила необъятная. Слово «русского соловья» растворено в природе, оно, по выражению высоко чтимого его Аполлона Григорьева, — «растительная поэзия».

Любопытная деталь: в ответах на одну из анкет А. Твардовский и М. Исаковский уверенно заявили, что произведения Кольцова как живое литературное явление утратят интерес и умрут, оставаясь лишь примечательным событием культурного прошлого. Время ответило этим и другим талантливым исполнителям соцзаказа: их самих сегодня читают меньше, а вот Кольцов жив, хотя и искусственно отторгнут страдающей чуждебесием радиотелевизионной братией и тугой на ухо и ледяной сердцем высшей школьной администрацией (когда-то

песни Кольцова печатались во всех учебниках и хрестоматиях).

Гордая и порывистая кольцовская муза смирялась только перед Богом, перед таинством жизни. Этой проблеме посвящены его «думы» — опыты философско-эстетического постижения загадок бытия. «Божий мир», «Человеческая мудрость», «Вопрос» и другие произведения этого «любомудрого» жанра давно вызывают споры; многие литературные авторитеты (среди них и Белинский) оценивали их скромно, но нельзя не удивляться пылкости ума «мещанина», который с помощью образного слова пытался проникнуть в тайны мироздания.

*Нет бессильной смерти,
Нет бездушной жизни!*
— был уверен поэт.

И, наконец, о бесценном алмазе Кольцова — его песнях о любви. Здесь он неповторим трепетностью и щедростью чувства и остается нежнейшим лириком России. Его герой признается: «Тобой любимым быть прекрасно! Прекраснее тебя любить!» Сколько сердец билось в упоении, когда слышалось: «На заре туманной юности всей душой любил я милую...»; «Обойми, поцелуй, приглубь, приласкай...»; «Что он ходит за мной, всюду ищет меня...». Такие шедевры немногочисленны, но истинны и святы. В любви кольцовских лирических героев целомудренность и страсть, веселье и тоска, доверие и ревность, праздничность и страдание... — нет лишь в этом богатом нравственном спектре равнодушия и эротомании.

В интимных откровениях Кольцова слышится волнующая музыка — недаром на его стихи написано свыше 800 музыкальных произведений; его слово вдохновляло Глинку и Даргомыжского, Мусоргского и Балакирева, Калинникова и Варламова... «И придет время, — предвещал Белинский, — когда песни Кольцова пройдут в народ и будут петься на всем пространстве беспредельной Руси...»

Было такое время, и оно вновь вернется, когда «публика» очнется от современной какофонии. «...Для этого, — замечал П. И. Чайковский, — нужно перевоспитать ее, развить ее музыкально, заставить ее читать Пушкина и Кольцова...»

Разные эпохи переживало творческое наследие поэта. По его пути шли, прокладывая собственную художественную тропу, Николай Некрасов, Иван Никитин, Иван Суриков, Николай Клюев, Сергей Есенин... В 20 — 30-е годы он был объявлен «кулацким поэтом». Особенно усердствовал тогда в наложении красного клейма «критик» Осип Бескин. Бесенята разных калибров пытались вытравить из эстетической памяти народа имя «гениального таланта» (Белинский). Им на смену теперь пришли новые хулиганы, разбушевавшиеся на грязной волне псевдокультуры. Эта накупил спадет — нельзя же долго дышать отравленным воздухом, — и тогда вновь на нас повеет свежим степным ветром кольцовских песен.

Иван Тургенев, говоря о «маленьких поэмах» замечательного лирика, не сомневался, что они «будут жить, пока жив русский язык».

Вещие слова.

Виктор КУЗНЕЦОВ,
писатель,
доцент Санкт-Петербургского
института культуры